

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ЧИТАТЕЛЬ!

РАЗВИТИЕ СЮЖЕТА ЗАВИСИТ ОТ ТЕБЯ!

*Посвящается Брианне Джонсон,
благодаря которой появилась эта книга.*

*И Бену Розенталю,
который вдохнул в нее душу.*

Я с ужасом представил себе, что будет, если мамина фирма обанкротится. Коул явно не сможет вести два дела одновременно. Сложность в том, что у мамы и Коула нет других сотрудников, чтобы помочь им в расследовании.

— Но, мама... Коул не сможет взяться за дело Гвиневры Лекавалье. Разве он не работает сейчас над другим заказом?

— Ему придется вести опа, — мама одновременно выдыхает слова и сопلي из носа.

— Маааааааам! — Я трясу кровать: — Вставай, вставай, вставай! Ты должна взяться за это дело! Тебе нельзя его упустить! — Моя мокрая от пота пижамная рубашка еще сильнее прилипает к телу, но я стараюсь не думать об этом, когда склоняюсь над мамой: — Давай же! — Я, кряхтя, тяну ее за запястья, пытаюсь посадить в кровати.

Но она плюхается обратно:

— Уииии! Почему эта кобната так куужит-ся? — После этих слов она снова долго кашляет и стонет. — Пааааааабищай, што позвоишь Колу! Калос! Пожауйста! Я не багу потеять этого кийента.

— Я...

— Каалос! — Мама говорит и одновременно тянется за платком. — Пожаааауйста!

— Хорошо. Пойду позвоню ему.

Я медленно бреду прочь из комнаты, загребая ногами, а в кухне неожиданно вижу, что моя лучшая подруга — Элиза — сидит за столом.

Хотя чему тут удивляться? Элиза всегда заходит без стука. Мы с ней дружим еще с дошкольного возраста. Она живет по соседству, через две улицы от меня.

В последнее время мне почти неловко видеть ее у себя, в пыльном одноэтажном доме с облупившимися деревянными панелями на стенах и с лохматым ковром. С тех пор как дела у маминого агентства пошли на спад, мы не можем себе позволить починить даже мелочи: протекающий кран, засоренную раковину в ванной, неисправную посудомоечную машину, сломанный пылесос. И я не хочу, чтобы Элиза заметила, что мы вынуждены сократить многие траты вроде расходов на кондиционер и дорогие продукты. Нам даже пришлось продать некоторые вещи, например часть ламп, книг и кое-что из мебели, чтобы свести концы с концами.

Мне не хочется, чтобы она ко мне приходила. Не хочется, чтобы она это заметила. Но я ничего не говорю, потому что летом мы с Элизой всегда вместе. Дома или в дневном лагере — который мы тоже больше не можем себе позволить.

Лагерь откроется через две недели, а Элиза еще не знает, что в этот раз я туда не пойду. Каждый раз, когда она говорит о том, как нам там будет весело, мне хочется съежиться. Я вовсе не в восторге от мысли, что мне придется торчать дома, пока она будет заниматься спортом и играть. Но я стараюсь не думать об этом. Пока она не отправилась в лагерь, я хочу провести с ней как можно больше времени.

— Элиза! И давно ты здесь?

— Только вошла. Я сама себя впустила.

— А-а, — я плюхаюсь на стул рядом с ней.

Мне нужно срочно позвонить маминому партнеру, но совершенно не хочется этого делать.

Элиза пристально смотрит мне в глаза:

— Что случилось, Карлос?

Я вздыхаю:

— Мама велела мне позвонить в ее детективное агентство и попросить Коула сходить.

— Куда сходить?

— Мама должна была начать работу над делом Гвинеvры Лекавалье...

— Это той старой леди из фешенебельного района?

Я киваю:

— Ага. Ее угрожают убить. Мама слишком больна, чтобы взяться за дело. А Коул и так по уши занят. Но если они упустят этот заказ...

Я отвожу взгляд. Но чувствую, что Элиза смотрит прямо на меня. Я мечтаю взять и заползти в какую-нибудь дыру. Или канаву. Или яму. (Я не привередлив.)

Честно говоря, я бы охотнее согласился заползти в канализацию, полную нечистот, чем говорить о наших денежных проблемах.

Элиза кладет свою руку поверх моей:

— Ты чего-то недоговариваешь, Карлос. Что ты скрываешь?

— Ничего, — бормочу я, глядя на свои ноги.

Элиза хмурится, и я беру трубку, чтобы позвонить Коулу.

Отстой. Это дело могло вернуть былую славу детективному агентству Лас Пистас. Оно бы в корне изменило мамино положение. Наше положение.

Я замираю в середине набора номера.

— Мы должны пойти.

— Что? — переспрашивает Элиза.

— Ура! — раздается приглушенный голос из под дивана.

— О нет, — вздыхаю я. — Только не Фрэнк!

Фрэнк — младший брат Элизы, и он вечно везде таскается за нами. Ему шесть лет, и Элиза любит повторять, что для чудовища Франкенштейна он маловат. Но говорить о нем гадости позволено только ей. Она даже *на меня* злится, стоит мне называть его надоедливым.

Я подхожу к дивану. Голова Фрэнка находится под ним, а вот остальное тело — нет. Его задница гордо торчит вверх.

— Фрэнк! Ты даже спрятаться толком не можешь! Я тебя вижу!

Фрэнк выползает из своего укрытия:

— Я нашел пятак! И пуговицу! И клочок пуха. Можно мне его съесть?

Он смотрит на Элизу.

— Нет, тебе *нельзя* есть всякий мусор, — Элиза отворачивается, чтобы скрыть усмешку.

Как только она перестает смотреть на Фрэнка, тот запихивает пух себе в рот и ухмыляется мне.

— Погоди, давай-ка еще раз. Ты хочешь заняться делом Гвиневры Лекавалье?

— Калос? — кричит мама из своей спальни. — Что поооисходит... аааааапчххиии!

— Ничего, мам! — кричу я в ответ. — Это просто Элиза и Фрэнк. Затем я наклоняюсь к Элизе и шепчу, чтобы мама не услышала. — Мы должны это сделать. Мама в нас нуждается. Мы же справимся, правда?

Элиза улыбается:

— Три ребенка почти равны по размеру одному взрослому.

Я не понимаю, что она имеет в виду, но Элиза очень умная. Вообще-то, она самая умная из всех, кого я знаю.

— Так ты в деле? — спрашиваю я, вытирая пот, капающий с моих волос. — Гвиневру Лекавалье заплатит нам кучу денег, если мы раскроем ее дело. А деньги нам очень нужны.

Вместе мы *обязательно* раскроем дело и спасем мамино агентство. Элиза — гений. Она может распутать все что угодно. А Фрэнк отлично умеет искать вещи — может быть, он отыщет какие-нибудь улики. Единственное слабое звено — это я, потому что непонятно, какой от меня толк команде.

— Конечно, я в деле, — отвечает Элиза.

— Я тоже! — кричит Фрэнк.

У меня самый лучший друг и самый лучший младший брат лучшего друга на всем белом свете.

Дом Гвинекры Лекавалье располагается в фешенебельной части нашего города, в районе под названием Ривер Вудс. Только там нет ни леса, ни реки¹. Это что-то вроде открытого поля, усеянного огромными постройками размером с Белый дом.

Я обычно появляюсь тут только на Хеллоуин. У богатых самые лучшие конфеты.

Мы бродим в поисках дома номер 1418 — у мамы записано, что это адрес миссис Лекавалье. Но пока безуспешно. Элиза и Фрэнк проверяют дома на одной стороне улицы, а я на другой. Большой голубой дом. Белый. Коричневый. И ни один из них не тот, что нам нужен.

Фрэнк все время орет:

— ЭТОТ! НЕТ, ВОТ ЭТОТ! НЕТ, ВОТ ЭТОТ!

Он кричит просто ради того, чтобы пошуметь.

— Карлос! — внезапно произносит Элиза. —

Посмотри сюда.

Элиза кивает в сторону желтоватого дома с большими белыми колоннами снаружи и странной лужайкой с живой изгородью в форме йоркширских терьеров.

— Эээээммм. Это он?

— Нет, — отвечает она. — Взгляни на окно рядом с входной дверью.

Я прищуриваюсь и смотрю на окно, однако из-за палящего солнца трудно что-либо разглядеть. Но

---

¹ *Ривер Вудс* происходит от английских слов: *river* — река и *wood* — лес.

вот я вижу его. Вернее — ее. Там стоит женщина и смотрит на нас в бинокль.

Я вздрагиваю:

— Она что, шпионит за нами?

Элиза пожимает плечами.

— И кто же это?

— П. Шноцледур, — говорит Фрэнк, глядя на надпись на почтовом ящике.

— П. Шноцлетон, — поправляет его Элиза.

— Мне стало скучно на середине ее фамилии, — объясняет Фрэнк. — Поэтому конец я придумал.

Я всеми силами стараюсь не закатывать глаза.

Элиза восклицает:

— Она ушла!

Теперь жалюзи на окнах опущены. Интересно, подглядывает ли женщина сквозь щелочки.

— Но кто такая П. Шноцлетон? Это она?

— Я не знаю, — отвечает Элиза, заметно нервничая. — Это было *очень* странно.

На другой стороне улицы мы наконец-то находим номер 1418 — дом Гвиневры Лекавалье. Подъездная дорожка длинная и извилистая, как червяк, а на другом ее конце находится большой, ГИГАНТСКИХ размеров дом из серого камня. У него четыре трубы и миллион окон, и он настолько хорош, что трудно смотреть на него без комка в горле. Надеюсь, когда-нибудь мы с мамой сможем себе позволить дом хоть на четверть такой восхитительный, как этот. Я даже согласен на двухэтажный. Или на дом с камином. Или на дом,